

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(38).09:930.272(38)

«ОПИСАНИЕ ЭЛЛАДЫ» ПАВСАНИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ

С. П. Выскубов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: stas_16-92@mail.ru

В статье, посвященной рецепции «Описания Эллады» Павсания в поздней античности и средневековье, освещается проблема цитирования и обращения к этому сочинению со времени его создания во II в. н. э и до выхода в свет первого печатного издания в 1516 г. Уже в поздней античности и в эпоху Византии авторы, использовавшие сведения Павсания для своих трудов, относились к его сочинению неоднозначно, но признавали авторитетность многих сведений по географии, мифологии и искусству. Это обстоятельство во многом обеспечило актуальность «Описания Эллады» в рассматриваемый период. На основе анализа текстов современников Павсания и более поздних авторов, обращавшихся к «Описанию Эллады», делается вывод о том, что, несмотря на ряд характерных для времени его создания черт, этот уникальный источник вобрал в себя сведения по различным аспектам классической античности. С одной стороны, по своей структуре и содержанию это произведение стоит особняком среди современных трудов, с другой – сочетает в себе черты «авторитетных» сочинений древности, актуальных во все эпохи.

Ключевые слова: Павсаний, «Описание Эллады», рецепция, экзегеза, периегеза, Стефан Византийский, Дионисий Периегет, Псевдо-Лонгин.

**Pausanias *The Description of Hellas* in the Late Antiquity and in the Middle Ages:
the Problem of Reception**

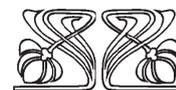
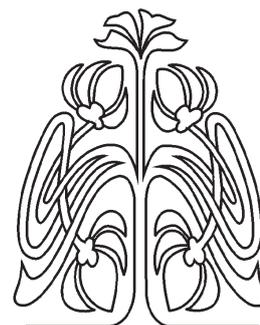
S. P. Vyskubov

In this article, dedicated to reception of Pausanias's *The Description of Hellas* in the Late Antiquity and in the Middle Ages, the problem of quotations from Pausanias' text and references to it from the time of its creation in the second century AD up to the time of its first printed edition in 1516 is considered. In the Late Antiquity and Byzantine period the authors who used *The Description of Hellas* in their works, treated it as an ambiguous opus, but recognized the credibility of most data on geography, mythology and art which it contains. This circumstance largely provided a certain relevance of Pausanias' text in that period. On the basis of the analysis of works by Pausanias' contemporaries and by later writers who used *The Description of Hellas* a conclusion is made that, despite the fact that it had a number of characteristics typical for the period of its creation, this text was a unique source which contained significant data on different aspects of the Classical Antiquity. On the one hand, the structure and contents of Pausanias' work make it particular among other texts in the second century AD, and on the other hand, it combines characteristics typical for the texts of the most authoritative antique writers.

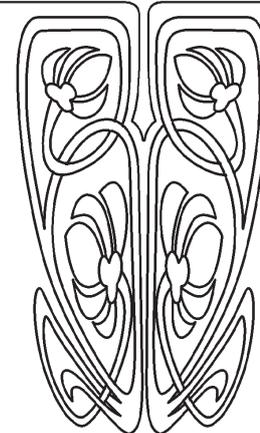
Key words: Pausanias, *The Description of Hellas*, reception, exegesis, periegesis, Stephen of Byzantium, Dionysius Periegetes, Pseudo-Longinus.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-301-305

В своей «Всеобщей истории» Полибий (IX.1.1–5) различает три рода исторических сочинений: история о богах и героях для любителей легкого чтения; рассказы о колониях, основании городов и родстве племен для тех, кого интересуют древности; история о делах народов, городов, пра-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вителей для государственных деятелей¹. Все три рода воплотились в тексте, отстоящем от времени Полибия на три столетия – в «Описании Эллады», созданном Павсанием в середине II в. н. э. К этому сочинению сохранялся определенный интерес с момента его создания среди интеллектуалов поздней Античности и Средневековья, но особенно в эпоху Нового времени благодаря, прежде всего, И. И. Винкельману, который высоко оценивает труд Павсания и только в «Истории искусства древности» ссылается на него более двухсот раз.

Вопрос об истории текста Павсания актуален и сейчас, несмотря на обстоятельное исследование проблем, относящихся к тексту «Описания Эллады», в работах А. Диллера. При изучении различных аспектов цитирования и истории этого труда в Средние века и раннее Новое время А. Диллер затронул множество проблем текстологического и палеографического характера². Результаты его усилий служат прочной основой для дальнейших исследований в этой области.

Попытки систематизировать рукописную традицию «Описания Эллады» на основе четырех сохранившихся рукописей XV в., полных ошибок и лакун, предпринимались многими гуманистами. Рукописи, вероятно, восходящие к одному архетипу, были скопированы Никколо Никколи (1365–1437) во Флоренции в 1418 г. После его смерти была создана копия, переданная в библиотеку монастыря Сан-Марко во Флоренции, но после 1500 г. следы рукописи и копии теряются. Однако именно к этому тексту восходят четыре наиболее ранние рукописи, сохранившиеся до нашего времени: Венецианская (№ 413), Парижская (№ 1410), Флорентийская (№ 56.11) и Мадридская (№ 4564)³.

Первым печатным изданием «Описания Эллады» принято считать текст, подготовленный греческим ученым и издателем Марком Мусуром (*Markos Mousouros*, ок. 1470–1517) в Венеции и напечатанный в издательском доме Альда Мануция (1449–1515) в 1516 г. после смерти издателя. Подготовка этого издания велась с 1497 г., и к моменту его выхода Мусур уже использовал сведения Павсания для лекций по «Антологии» в Падуе в 1506 г. Два года спустя Эразм Роттердамский упоминает Павсания в своих «Изречениях» (*Adagia*), ссылаясь на рукопись Мусура. Однако считать венецианское издание 1516 г. первым не совсем верно. Текст рукописи М. Мусура подвергся переработке и редакции представителями Римской церкви, что заметно на каждой странице печатного варианта, поэтому издание точного текста Павсания относят к эпохе Реформации.

Сведения об изданиях «Описания Эллады» с середины XVI в. восходят к итальянскому гуманисту Ромулу Амасию (1489–1552), который подготовил латинский перевод этого труда, посвященный кардиналу А. Фарнезе (Рим, 1547). Немецкий гуманист В. Ксиландр (Гольцман) (1532–1576) начал готовить к изданию греческий текст Павсания,

работа была завершена после смерти Ксиландра схоластом Ф. Силбергом (1506–1596) в 1583 г. и издана во Франкфурте-на-Майне (переиздана в Ханану, 1613)⁴.

Исходя из того что существовали различные списки и текст переписывался вплоть до XV в., можно заключить, что в среде гуманистов, очевидно, понимали ценность этого автора для того времени. Остаются открытыми вопросы о том, чем именно был ценен труд Павсания и какие сведения из него заслужили наибольшего внимания.

По мнению А. Диллера и Х. Хабихта, после смерти автора «Описание Эллады» долгое время не было читаемо⁵. Нет ни одного упоминания о Павсании как авторе этого труда вплоть до VI в. и несколько столетий позже, а частое его цитирование наблюдается лишь с конца XV в.⁶ С первого взгляда создается впечатление, что появившееся во II в. н. э. «Описание Эллады» утратило свою актуальность еще в эпоху поздней Античности, однако это не совсем так. Представляется интересным рассмотреть судьбу обращения различных авторов к «Описанию Эллады» с момента его создания и до подготовки первой публикации сочинения в Венеции в начале XVI в. Важно рассмотреть наиболее характерные случаи цитирования и ссылок на труд Павсания и тем самым продвинуть вперед в решении проблемы рецепции «Описания Эллады» в указанный период.

Ссылка на «Описание Эллады» содержится уже у младшего современника Павсания – автора II в. н. э. Клавдия Элиана, в «Пестрых рассказах» которого (II.61) использованы сведения исторического характера о нападении Дионисия Старшего на Фурии. Очевидно, что ссылка на Павсания была сделана не самим Элианом, а добавлена позже переписчиком при составлении одной из копий рукописи⁷.

Без упоминания имени автор «Описания Эллады» цитируется в «Картинах» Филострата Старшего (I.2.1; 17.5; 24.1, II.6.1–2; 19.4; 34.1), Филострата Младшего (7.1; 28.2) и «Статуях» Каллистрата (7.1; 11.1). Здесь использован материал из «Описания Эллады», посвященный Олимпии (cf.: V.1; 10.4–6), и другие сведения (I.8.4; III.19.4; VIII.40; 45.5; IX.36.8; 35.3; X.38.6). В текстах «Картин» и «Статуй» нет прямого цитирования Павсания, но описание деталей некоторых произведений античной живописи были заимствованы из его сочинения⁸.

В лексиконе «Этника» Стефана Византийского (VI в. н. э.) содержится перечень более чем семидесяти названий греческих городов и племен, описанных у Павсания. В большинстве случаев «Описание Эллады» служит Стефану как справочник топонимов. Так, в статье лексикона, посвященной городу Абдера (Paus. VI.5.4), Павсаний назван «перизетом», то есть тем, «кто описывает и дает очерк какой-либо местности» (cf.: Paus. VIII.3.3; 44.1). В статьях об острове Сфактерия и Афинской гавани Фалере Павсаний

назван как тот, кто «описал Элладу» (*periēgēseōs Hellados*). В остальных случаях присутствуют ссылки на автора и соответствующий номер книги его труда (*Pausanias evatōi*, *Pausanias ogdoōi* etc.). Здесь имеются и другие ссылки на «Описание Эллады»: I.31.5; 44.4–5; III.2.5; VII.26.1–14; VIII.3.2; 13.5; 27.1; 36.9–10; 37.1.9; IX.23.5; 24.5. Таким образом, Стефан тщательно изучил весь труд Павсания, обращаясь к описанию городов, местностей и народов.

В лексиконе Стефана нет ни критических замечаний относительно сведений о городах у Павсания (он указывается как автор, «описавший Грецию»), ни прямых цитат из его труда. Известное нам деление на десять книг, очевидно, было предложено именно Стефаном. Он был первым, кому принадлежит честь спасения труда Павсания от забвения⁹.

Стефан допускает ряд ошибок: так, в статьях *Charmis* и *Karallis* описание топонимов относится явно не к пассажу X.17.9, на который он ссылается и где говорится о Каралисе и Силках. Каралис у него становится Хармисом (cf.: Paus. VIII.35.5, где речь идет о городе Харисий). Частое обращение лексикографа к Павсанию без критической оценки текста свидетельствует об авторитетности этого текста для него. Возможно, Стефан доверял «Описанию Эллады» как источнику, основанному на информации, полученной в результате личного посещения городов и местностей Греции его автором (*autopsia*).

Павсаний для Стефана является «перизегетом», что вполне соотносится с восприятием «Описания Эллады» как *перизегезы* уже в XIX–XX вв. Хотя такой подход и верен в отношении описаний различных местностей и городов, но он не учитывает сведений о памятниках искусства, местных преданиях, фауне и флоре – материала, занимающего более половины текста Павсания. В середине XIX в. И. Шубарт предложил рассматривать этот труд не столько как *описание*, сколько как *объяснение произведений искусства*, при этом отнюдь не исключая наличия в нем описательного элемента¹⁰. Павсаний, по его мнению, является, прежде всего, «экзегетом», то есть толкователем, повествующим о прошлом. Это мнение разделял и С. А. Жебелев, который ссылался на текст Павсания (III.11.1), где автор, возможно, следуя Фукидиду, называет свое сочинение *hē syngraphē*, то есть «записями, собранными вместе и основанными на критической оценке сведений». Таким образом, древний автор предстает перед нами *экзегетом-перизегетом*, задачей которого, по мнению В. Гурлита и С. А. Жебелева, было не столько дать описание того, что достойно внимания, сколько сообщить информацию, представляющую интерес в «антикварном» отношении¹¹.

Несомненно, Павсаний знал перизегетическую традицию, к которой он отчасти принадлежал. Его старший современник Дионисий Перизегет, составивший «Описание ойкумены»

между 113–127 гг. н. э., предлагает своему читателю подробный перечень топонимов и этнонимов, которые составляют основу его труда, а описание памятников у него дается лишь в исключительных случаях: «на западной стороне [Египта расположен] македонский город [Александрия], где [находится] жилище великого Зевса Синопского, богато украшенное золотом. Нигде на земле нет другого такого храма, более славного, чем этот, ни другого такого города, столь богатого, как этот...» (Dion. Per. 255–260). Описание этого храма у Дионисия так же уникально, как и описание храма Зевса в Олимпии у Павсания (Paus. V.10–11) – различие в деталях описаний. В первом случае повествование строится, главным образом, на географических и топонимических принципах, то есть *перизегезе*, а во втором – центром повествования является подробное описание самого памятника, что соответствует скорее *экзегезе*. Сведения из «Описания» Дионисия, так же как и у Павсания, широко использовались Стефаном Византийским в его лексиконе – более чем в пятидесяти случаях. Однако судьба сочинения Дионисия сложилась более благополучно¹².

После Стефана Византийского нет каких-либо упоминаний автора «Описания Эллады» на протяжении нескольких столетий. Причина, видимо, заключается в том, что на период VI–VIII вв. приходятся внешние угрозы и внутренние смуты в истории Балкан и Византии: вторжение лангобардов в Италию, авар и славян на Балканский полуостров, персов и арабов в восточные провинции империи, а в VIII – начале IX в. происходит конфликт иконоборцев и иконопочитателей. И всё же нет оснований утверждать, что по окончании «темных веков» сочинение было предано забвению, скорее имя Павсания уже к X в. перестали отождествлять с автором «Описания Эллады», а записанные им сведения не теряли своей актуальности. В этот период к Павсанию обращается один из выдающихся церковных деятелей, ученик Фотия – Арефа Кесарийский, схолиаст IX в., который комментировал многих античных авторов, в том числе и Павсания. Примером может послужить пассаж VII.21.10¹³, посвященный храму Афродиты в Патрах, в родном городе Арефы¹⁴.

Очевидно, интерес к Павсанию вызывали содержащиеся в его работе сведения географического, топонимического, этнонимического и, в последнюю очередь, искусствоведческого характера. «Описание Эллады» являлось своего рода справочником и служило подтверждением сведений для его младших современников и потомков. Византийские составители лексиконов и энциклопедий воспринимали этот текст как справочное пособие для их трудов и доверяли ему там, где его сведения отвечали их потребностям.

Значение и ценность классических форм Павсаний, несомненно, понимал и пытался сохранить в своих подробных описаниях образы великой

греческой классики.

Сведения, встречающиеся у византийских авторов, в большей степени говорят о перизегетическом характере текста Павсания, а упоминания произведений искусства, как это видно из «Картин» Филостратов, относятся к экзегетической его части. Этот вывод подводит нас к важной и актуальной для науки проблеме восприятия и понимания классического наследия в последующие эпохи, когда сохранялся интерес не только к таким «авторитетным» текстам, как Геродот, Полибий и Плутарх, но и к памятникам изобразительного искусства той эпохи. В своей «Новой истории» Зосим (VI в.) упоминает о статуях Зевса Додонского и Афины Линдской, вывезенных из древних святилищ и установленных в сенате Константинополя (V.24.7). Павсаний не описывает сами памятники, но говорит о значении тех мест для греческого мира, откуда они были привезены (Paus. I.13.3; 17.5; VII.21.2–4; X.12.10; 18.4; 24.1 и др.).

В своем труде Павсаний сочетал *описание* и *толкование*, рассказы о народах, городах и странах, детальный осмотр памятников искусства, что делает его сочинение во многом уникальным по сравнению с другими, современными ему авторами, обращавшимися так же, как он, к великому прошлому Греции в различных его аспектах. Говоря об особом интересе Павсания к культурным древностям своей страны, Х. Хабиخت отмечает предпочтение автора «старого новому, священного профанному; он гораздо больше говорит о классическом, чем о современном ему греческом искусстве, больше о храмах, алтарях и изображениях богов, чем об общественных зданиях и статуях политиков»¹⁵.

Рассмотрев контексты упоминания о нем у приведенных выше авторов, следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) трактовку созданного Павсанием текста и 2) степень «авторитетности» этого источника.

1. Исходя из особенностей языка и стиля Павсания И. Шубарт отмечает узость цели автора, так как «он почти всегда предполагает, что современники его обладают навыком и знаниями, которых у нас большей частью нет, а потому случается, что его сообщения и указания нам нередко темны и даже совсем не понятны... Он писал не для нас...»¹⁶ Эта мысль согласуется с идеей Р. Дж. Коллингвуда о непонимании понятийного аппарата и некоторых реалий эпохи у более древних авторов, например, Гомера, более поздними авторами античной эпохи¹⁷.

2. Как и очень многие авторы постклассической античности, Павсаний, несомненно, признавал «авторитетами» Гомера, Пиндара, Геродота, Полибия и часто обращался к их сочинениям. Пиетет к «древним истокам» особенно наблюдался во II в. н. э. в эпоху Антонинов: к географическим и этнографическим реалиям обращался, например, Дионисий Перизегет; памятникам искусства, генеалогиям и мифам в большей степени посвящен

труд Павсания; формы изящной словесности стали важной темой трактата «О возвышенном» Псевдо-Лонгина (II в. н. э.). В своем небольшом труде этот автор обращается к поэзии Гомера и поэтике Аристотеля, к другим великим авторам древности. Интересны мысли Псевдо-Лонгина о всяком большом произведении, не лишенном недостатков, – оно этим и ценно: «ведь тщательность во всем рискует обратиться в мелочность. В великих же созданиях, как и в чрезмерных сокровищах, должна быть обязательно какая-нибудь небрежность... для ничтожных и посредственных творений, чуждых смелых дерзаний и высоких взлетов, вообще неизбежно тяготение к безошибочности и всемерной осторожности, а неустойчивость, вероятно, свойственна только великому из-за его величия» (33.2–4). К таким «небрежным гениям» можно отнести и Павсания, который, как свидетельствуют результаты археологических изысканий, порой неточен в своих сведениях¹⁸.

Напрашивается мысль, что Павсаний, особенно после времени Стефана Византийского, не являлся «авторитетным» автором¹⁹. До того как историческое знание прочно стало на научную почву, степень доверия к источнику определялась, как правило, его «авторитетностью». Стиль исследования, удачно названный Р. Дж. Коллингвудом методом «ножниц и клея», был скорее правилом, чем исключением для большинства интеллектуалов той эпохи²⁰. Сочинения позднеантичных и византийских авторов это подтверждают.

На фоне Гомера, Геродота или Фукидида Павсаний во многом отходит на второй план античной традиции. В наше время, когда и вера в незыблемость «авторитетных» источников, и гиперкритика в отношении к ним причудливым образом сосуществуют в научном исследовании прошлого, мы можем наблюдать и вполне адекватное восприятие «Описания Эллады» как собрания ценных и уникальных сведений об античной эпохе. Наблюдая причуды обыденного знания, можно заметить, как порой далекий от антиковедения и науки в целом человек способен вспомнить Гомера и Геродота, хотя бы по именам, смутно представляя себе, о чем они писали. Однако тот же обыватель вряд ли назовет имя Павсания, создавшего «Описание Эллады», но, несомненно, вспомнит изображения Парфенона, Олимпийские игры, знаменитые статуи древности, отметит их красоту, не отдавая себе отчет в том, что знаниями обо всем этом он во многом обязан именно Павсанию. У многих отсутствует осознание того, что многочисленные отголоски античного прошлого мы бессознательно воспринимаем вне зависимости от нашей исторической и культурой компетентности как раз благодаря «Описанию Эллады».

Примечания

- 1 См.: Кащеев В. И. Полибий и его «прагматическая история» // Античный мир и археология. Саратов, 2002.

- Вып. 11. С. 28.
- ² Diller A. Pausanias in the Middle Ages // Transactions and Proceedings of the American Philological Association (далее – ТРАПА). 1956. Vol. 87. P. 84–97.
 - ³ Никитюк Е. В. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого греческого возрождения // Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1996. С. 39.
 - ⁴ Подробнее об этих и более поздних изданиях см.: Smith W. Dictionary of Greek and Roman Biography and Mythology. Boston, 1867. Vol. 3. P. 161–162 (s. v. Pausanias); Diller A. The Manuscripts of Pausanias // ТРАПА. 1957. Vol. 88. P. 169–188.
 - ⁵ См.: Diller A. Pausanias... P. 86; Habicht C. Pausanias's Guide to Ancient Greece. Berkeley; Los Angeles, 1998. P. 170.
 - ⁶ См.: Diller A. Pausanias... P. 88; Habicht C. Op. cit. P. 140–143.
 - ⁷ Diller A. Pausanias... P. 87.
 - ⁸ О Филостратах и судьбе их «картин» подробнее см.: Кондратьев С. П. Филостраты в жизни и искусстве // Филострат (старший и младший). Катрины. Каллистрат. Статуи. Рязань, 2009. С. 11–27; Брагинская Н. В. Fata libelli : судьба «Картин» Филострата от античности до наших дней // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 14–41.
 - ⁹ См.: Diller A. Pausanias... P. 88.
 - ¹⁰ См.: Шубарт И. Историко-литературное значение Павсания // Павсания Описание Эллады, или Путешествие по Греции во 2 в. по Р. Х. СПб., 1887–1889. С. XXVII.
 - ¹¹ См.: Gurlitt W. Über Pausanias : Untersuchungen. Graz, 1890, S. 64, 67; Жебелев С. А. К вопросу о композиции «Описания Эллады» Павсания // Журнал Мин-ва народн. просвещения. СПб., 1909. Окт. С. 439.
 - ¹² Это сочинение много раз комментировалось Руфом
 - ²⁰ Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 239–241.
- УДК 94(437)[12/13]

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАННЕЕ РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОГО ГОРОДА КОЛИНА-НАД-ЛАБОЙ

А. Н. Галямичев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: galyamichev57@mail.ru

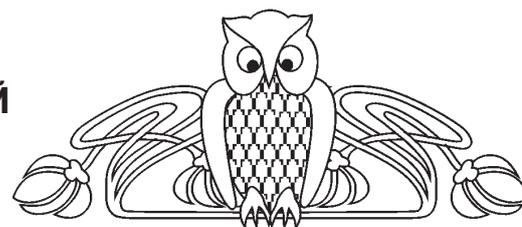
В статье рассматривается возникновение и ранняя история чешского города Колина-над-Лабой, выявляются особенности его исторической судьбы и причины стремительного роста экономического могущества и политического влияния в первые десятилетия истории.

Ключевые слова: Чехия, средние века, город, Колин-над-Лабой.

The Emergence and Early Development of the Bohemian City Kolinnad Labem

A. N. Galyamichev

The article discusses the emergence and early history of the Bohemian

city of Kolinnad Labem, identifies the features of the development and rapid growth of economic power and political influence in the first decades of history.

Key words: Bohemia, Middle Ages, city, Kolinnad Labem

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-305-309

С XIII веком как в чешской историографии, так и в обыденном сознании принято связывать возникновение большинства современных городов Чехии. Это относится даже к тем из них, названия которых упоминаются уже в письменных источниках XI–XII вв., а археологические раскопки подтверждают существование в это время